

К 85-летию Виктора Сергеевича Розова

ЖИЗНЬ В РОЗОВОМ ЦВЕТЕ

Благодаря драматургу публика полюбила простые чувства и простых, ничего не утаивающих героев

Григорий Заславский

С НЕКОТОРЫХ пор в узких демократических кругах повелось и вошло в привычку при упоминании имени Розова отзываться пренебрежительно. В том смысле, что старик давно уже пребывает в маразме. Основанием такому любительскому диагнозу служит одно: Розов печатается в газете «Завтра», ставит свою подпись под разными письмами рядом с оголтелыми шовинистами. И вообще. Обычное в России дело. Был бы он демократическим «подписантом», слыл бы по-прежнему мудрецом. А Розов — такой вот. Что ж, попал в хорошую компанию русских сумасшедших. Рядом — Третьяковский, Чаадаев... Чацкий. Может гордиться.

В ИСТОРИИ

Розов вошел бы в историю, останься он автором одной-единственной пьесы. Эта пьеса — «Вечно живые», прославившая на весь мир «Современник», Калатозова, Татьяну Самойлову и Алексея Баталова... На его пьесах вырос тот Центральный детский, где работали Анатолий Эфрос (он поставил там «В добрый час!», «В поисках радости», «Нервный бой», «Перед ужином»), молодой Олег Ефремов, а позже — «Современник», который, как известно, и открылся «программным спектаклем» «Вечно живые», где, как написано в Энциклопедическом словаре, «главенствовала тема гражданского долга». Но Государственную премию СССР он получил в 67-м за инсценировку «Обыкновенной истории», которая до сих пор идет в Москве у Табакова, и Табаков, когда-то игравший молодого героя в спектакле «Современника», теперь выходит на сцену в роли дялюшки.

Такие внятные, такие простые его пьесы, трудно поверить, не просто пробивались на сцену. Кажется, совсем уж недавно никак не выпускали: премьеру «Кабанчика», а до того была затяжная история с запретом «Гнезда глухаря», которая считалась жутко крамольной из-за неканонического подхода драматурга к воплощению на сцене образа партийного работника. В Театре сатиры ее поставил Плучек, играл Папанов. Розов пережил инфаркт, а пьеса потом шла во многих театрах страны.

Лучше бы он не обращался к авторам, ему чужим, — идущая ныне на Новой сцене МХАТа перделка Гофмана может сказать о многом (о верности юношеской дружбе Олега Ефремова, о любви Розова к родным, которые все заняты в этом спектакле), но только не о таланте Виктора Сергеевича. Гофман в отличие от его любимого и до сих пор мучающего его Достоевского (Розов, кажется, так и не бросил затею написать пьесу «Четвертый брат») родным его писателем не стал.

Весь его внешний вид с Берендеевой палкой в руках (он был тяжело ранен в 41-м в бою на Смоленской дороге и хромотает с тех пор), его рассудительная и неспешная манера вести рассказ или обыкновенный телефонный разговор позволяют предположить в нем нераскрытый талант сказочника. Он, верно, и рассказывает их (можно спросить у его внука). И сочинять мог бы. По доброте своей. Даже рассказ про обычные сундуки он оправляет в сказочную форму, завершая «маленьким резюме»: «Мне жаль, что сундуки исчезли из нашего быта. Сундук удобен. В него можно положить любые домашние вещи, одежда это или книги. На нем удобно посидеть и даже поспать. Лично я, когда учился в упомянутой театральной школе и жил у старушки в бывшей келье мо-

настыря, все четыре года учебы спал именно на сундуке». Впрочем, как и положено сказочнику и волшебнику, Розов держит у себя в доме не обычные сундуки. Один — тайландский, сделанный из сандалового дерева, другой — китайский, из камфарного — «когда его открываешь, таинственный запах веет на тебя и требует уважения».

Сами пьесы его сегодня читаются, как сказки. Возможность идеалистического преображения — в первой пьесе «Ее друзья» (Розов написал ее в 36 лет; после премьеры в Центральном детском она игралась более чем в ста театрах); директор школы встречается с родительницей и распекает ее за слишком легкомысленное отношение к воспитанию дочери, которая осмеливается дерзить матери. Та оказывается внушаемой, проникается словами директрисы, искренне восклицает: «Я буду строжее!» В другой комедии, «В добрый час!», Андрей, поговорив с двоюродным братом-сибиряком тут же и прозревает: «Слушай, я, наверно, оттого такой пустой, что все мне на блюдечке подавалось — дама благополучие... сит, одет...» Читаешь их, читаешь, а когда закрываешь книгу, лезет в голову нелепый вопрос: Розов — это фамилия или псевдоним? Если имя, то оно диктует свои законы: Виктор Розов — значит, все будет хорошо, добро победит. Победа будет за нами.

Он смотрит на мир прямолинейным взглядом подростка. Только через такие «розовые очки» все можно увидеть в таком понятном черно-белом свете. Счастливая возможность быстрого прозрения буквально преследует героев Розова по пятам. Как в сказке. Как в редкие прямые времена, по счастью, выпавшие его поколению. И, по несчастью, быстро прошедшие, переродившиеся в менторствующее шестидесятничество (по счастью, Розов — не из их поколения; и по возрасту старше, и прямого его, извечная искренность мешают изгибаться и жить в раздвоенных чувствах; кстати, его судьба доказывает, что и прямого может стать источником долголетия). В его ранней — в первой — пьесе врач пишет Людмиле на фотокартонке: «Люби нашу советскую науку, ты ей обязана своим счастьем». Прошло пятьдесят лет, другие раскаялись, а он не торопится.

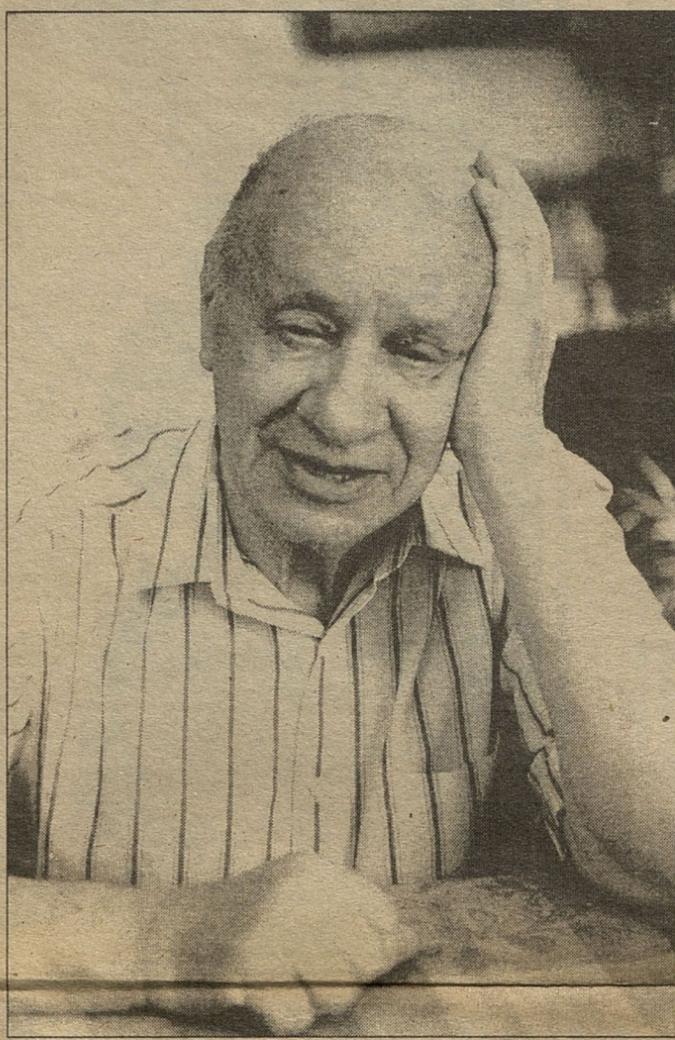
И разве это было неправдой?

ЕГО СУНДУКИ

В начале 92-го года, когда потребовалось собрать иллюстрации к одной статье, мне пришлось звонить ведущим нашим драматургам с просьбой сфотографировать их книжные шкафы.

Драматурги откликнулись по-разному. Эдвард Радзинский с ужасом в голосе воскликнул: «Когда рушится цивилизация, ваш журнал интересуется шкафами?» Розов встретил нас чрезвычайно просто и дружелюбно и предложил вместо книжного или какого другого шкафа свои сундуки. И рассказал замечательную историю их появления. А потом даже написал про них небольшую заметку «Мой сундук» (цитату см. выше) — с большим уважением к старинным вещам. А цветы в его доме! Они заслуживали бы отдельного рассказа (другой рассказ: любовью к цветам, как и к вещам, в своих пьесах Розов награждает самых малосимпатичных героев — достаточно вспомнить, как обихаживает георгины Тамара Тимофеевна из комедии «Нервный бой»! Говорят: художественный беспорядок, у Розова — почти божественный порядок, подчёркнутая аккуратность и прибранность в доме.

Уважительное отношение к вещам очень чувствуется и в его пьесах. Это так, стоит только отвлечься от тех бранных слов, которые тут и там рассыпаны по тексту, и перенести внимание на ремарки, в

Виктор Сергеевич Розов. Фото Сергея Величкина (НГ-фото)

которых Розов выступает как певец материальной культуры (обратите внимание на выписанность мебели в его пьесах, на мелочи обстановки, перечисленные прилежно и с любовью: подробно описанный интерьер, в «Ее друзьях» — обилие цветов в комнате Людмилы, штора и т.д.). А на словах он — борец с мешанством. Комедия «В поисках радости» стала манифестом такой борьбы. В первые же минуты там кто-то жалуется на загромодившие все проходы гарнитуры: «Дохнуть нечем». А позже Олег Савин рубит саблей кровати и шкафы, накопленные мешанкой Леночкой. Хрестоматийная сцена. Но почти в каждой пьесе можно найти два-три слова ненависти, брошенные по адресу уюта, обиденности, естественной устроенности быта. Андрей в пьесе «В добрый час!» говорит: «Иногда мне хочется пройтись по нашим чистым комнатам и наплевать во все углы».

Внутренняя противоречивость чувствуется и в том, как живо описывает Розов приезжих. Столичная любовь ко всякому приезжему увидена недобрыми глазами «пострадавшего» провинциала (Розов, напомним, родился в Ярославле), успешного походить по дорогам страны, прежде чем осесть в столице. Такое отношение характеризует, правда, нелюбимую героиню, но слова Анастасии Ефремовны идут от сердца: «Все, все в Москву едут, как будто Москва резиновая! И так уже от народа задохнуться можно. Так нет — едут и едут!» (Она же просит мужа похлопотать за сына, который собирается поступать в институт, заискивает перед сыном профессора, зашедшим в гости. Рядом: «С какой стати на моих подушках будет кто-то спать...») Двух страниц достаточно, чтобы мы поняли, — эта женщина встала на скользкую дорожку, не ровен час, может оступиться, а там рукой подать до предательства Родины.) В комедии «В поисках радости» Лапшин (сам — из Вологодской области) тоже без

особой симпатии отзывается о приютивших его москвичих: «Не обедяют. Они тут в Москве деньги-то лопатами гребут».

Вряд ли самому драматургу не по нутру заботливо относящиеся к его творческому труду близкие. Мать-домохозяйка, жена, заботливо охраняющая кабинет погруженного в труды свои праведные супруга, — мечта любого драматурга. Но и в «Ее друзьях», и в пьесе «В поисках радости» жены, только и думающие, что о работе да покое своих ученых супругов, наоборот, оказываются почти отрицательными героями. Так можно сводить счеты только с самим собой.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЧЕХОВА

«Пройдет пять лет, я закончу академию, буду работать... Если бы вы знали, как я хочу работать!» — говорит Люся Шарова под занавес. Слова знакомые. Интонация — другая (бывает, что читата и звучит так же, но подтекст все равно на ладони, в плоскости только что отговоренного, в контексте сказанного минутою назад, — Аркадий из пьесы «В добрый час!», собираясь бросить актерскую профессию: «Все равно, все равно!»).

Финал «Ее друзей» не просто перекликается с последними страницами «Трех сестер». Не просто, поскольку в «том» смысле те же слова означали совершенно противоположное, у Розова же они произносятся напрямик. У него как слышится, так и пишется. То и значит. «Около Чехова» разворачиваются события «Нервного боя»: подмосковная дача, 23 августа... Как не вспомнить, что вишневым сад был продан у Чехова 22-го! В самой первой ремарке комедии «В поисках радости» упоминается сабля, которая висит на гвозде, — у Розова она «выстреливает», не дожидаясь третьего акта (в первом же!). В Федоре и Леночке нетрудно обнаружить переключку с супругами Прозоровыми — Андреем и Натальей. Олег в той же пьесе говорит об учительнице физики: «Мы уйдём

из школы... вырастем и не вспомним их никогда... Имена забудем... лица забудем...» (Ср. финал «Трех сестер»: «Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса...»; у Розова говорит Олег, у Чехова — Ольга).

Так много «заимствуя» у Чехова, Розов отказался от главного — он не стал заимствовать подтексты, обошелся без пауз, «междуфабульного пространства». Он как будто боится даже недоговоренности и все договаривает до конца. На все вопросы следуют ответы, исчерпывающие и прямые. Вот диалог (из пьесы «В поисках радости»):

«Таня (о своем брате. — Г.З.). Скажите, его очень пеняют на работе?»

Леонид: Откровенно?

Таня: Пожалуйста.

Входит Лапшин». Казалось бы, перебитый явлением «чужого», вопрос повисает в воздухе, остается недосказанность. Но едва Лапшин уходит, десять реплик спустя, ответ неизбежно следует.

После Чехова, после Горького, сюрреалистов и экзистенциалистов, одновременно с последними — вдруг такая наивная простота. Опрозраченность чувств и помыслов. Мир невоенных смыслов, лишенный второго дна. Про Африку герои Розова вспоминают в тот момент, когда соберутся туда ехать, тогда же купят и карту, а нестати вспоминать не станут. Иногда они прямые до безумия, готовы рвать дружеские и родственные связи. Бывает, неинтересно прямые, примитивно прямолинейны. Ну где еще встретишь такой диалог:

«Роман Тимофеевич: Ты все время козыряешь своим превосходством надо мной.

Верочка. Не он козыряет, а вы сами чувствуете его нравственное, умственное превосходство!»

Чехов им был бы излещен своей сложностью отношений. Живые воспоминания о недавней войне, где противник был ясен, по инерции требовали адекватной простоты и от мирных отношений, крепили иллюзию возможности таких простых и ясных отношений в мире. Розовским мальчикам и девочкам было на что опереться в жизни.

Сентиментального автора можно было бы заподозрить в следовании драматургической технике прошлого века. Но в пьесах Виктора Сергеевича Розова нет и тех «простодушных» подтекстов, какими пользовались в те благословенные времена, — в речах его героев не встретить апартаментов, реплик, не рассчитанных на окружающих персонажей, а произносимых лишь для публики, чтобы прояснить истинные замыслы героя.

Отмечая особые черты драматургии Розова в статье, много лет назад написанной для Энциклопедического словаря, Инна Соловьева отметила среди главного «вкус к простым житейским истинам, стремление выявить «историческую типичность» молодого героя. На протяжении многих лет Розов создал ряд характеров, всегда выбирая героя примерно одного круга и возраста, но с разными датами рождения, определяющими смену проблем и нравственного типа». В самом начале жизненного пути его герои как раз выбирают свой путь и решают судьбу. Важно не пропустить этот важный момент, как-то: «Судьба ваша решается, а вы как ни в чем — в шахматули режете!» («Нервный бой»).

...Да, мы, конечно, умнее, опычнее всегда только начинающих жить героев Розова. Но, закрывая библиотечную книжку, которую предыдущий читатель открыл 12 сентября 1989 года, трудно избавиться от некоторой зависти к ним, у которых «мысли у всех были какие-то ясные, чистые, как-то шире смотрели на жизнь — открыто... и вдале!»

21.08.98

Розов Виктор